

УДК 811.161.1 Рита Гладкова

(Херсон)

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ И УЗУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале произведений К.Г. Паустовского)

У статті аналізується транспозиція, тобто вживання іменних частин мови в незвичайних лексико-граматичних і граматичних значеннях і з незвичайною референтною співвіднесеністю, що призводить до порушення нормативної граматичної валентності зв'язків. Порушення граматичних поєднань слів розглядається як спосіб вираження емоцій, оцінки, експресії в художньому тексті.

Ключові слова: виразність, категорія числа, транспозиція, граматична система, морфологія, іменні частини мови.

Transposition is analysed in the article, id est the use of nominal parts of speech in unusual lexico-grammatical and grammatical значе-ниях and with unusual reviewer correlated, that results in violation of normative grammatical valency of connections. Violation of grammatical combinations of words is examined as a method of expression of emotions, estimation, expression in artistic text.

Key words: expressiveness, category of number, transposition, grammatical system, morphology, nominal parts of speech.

Стилистическая организация речи осуществляется благодаря выбору не только определенных слов и синтаксических конструкций, но и морфологических форм. Как отмечают Кожин А.Н., Крылова О.А. и Одинцов В.В.: «...стилистические функции в речи приобретают... и стилистически окрашенные, и стилистически нейтральные морфологические формы» [2, с. 90].

Цель нашей статьи – рассмотреть нарушение грамматических сочетаний слов как способ выражения эмоций, оценки, экспрессии в художественном тексте.

Стилистические возможности грамматических средств находятся в настоящее время в поле зрения ученых и становятся объектом на-блюдения ряда специальных научных исследований. Имеется значи-тельное число работ, посвященных изучению выразительных возмо-жностей грамматических средств в художественном тексте (например, труды А.В. Бондарко, Л.И. Граудиной, В.П. Ковалева, В.И. Кононенко, В.В. Одинцова).

Грамматическая система в большей степени унифицирована. О свободе выбора грамматической формы говорить почти не приходится. "А там, где нет свободы выбора, возможностей отбора языковых эле-ментов, не может быть их стилистической выразительности" [3, с. 77]. Однако в художественных произведениях встречаются доста-точно яркие примеры выразительного использования языковых фактов морфологического уровня. "Изобразительно-выразительная сущность морфологических средств заключается в том, что при переносе грам-матической формы с одного вида отношений на другой возникает кон-фликт, связанный, в частности, с обычным и необычным использова-нием формы в широком смысле - с традиционным и ситуативным в обозначении, что всегда ведет к актуализации обозначаемого" [5, с. 24]. Выразительный

потенциал морфологических ресурсов описан еще недостаточно, что делает соответствующую проблему правомерной и актуальной.

Стилистический эффект в морфологии создается за счет такого явления, как транспозиция, то есть употребления слов разных частей речи в необычных лексико-грамматических и грамматических значениях и с необычной референтной соотношенностью, что приводит к нарушению привычной, нормативной грамматической валентности связей. Нарушение грамматических сочетаний слов рассматривается как способ выражения эмоций, оценки, экспрессии.

Яркий выразительный прием прозы К.Г. Паустовского – употребление форм множественного числа имен собственных, выступающих наименованиями отдельных лиц или явлений и вследствие этого употребляемых, прежде всего, в единственном числе. Например: "Если мы хотим, чтобы у нас были новые Горькие, Маяковские, Толстые и Чеховы, то нельзя ограничиваться призывом: "Будьте как Горький! Будьте как Маяковский!" ("Большие надежды"). Употребление форм множественного числа имен собственных дает более живое и конкретное представление по сравнению с нарицательными гиперонимами. Во множественном числе эти формы иногда предстают как своеобразные апеллятивы с обобщенным значением свойств, характерных для их носителей, например: "Романин заворочался на своей койке. - Да-а, - сказал он в пространство. - Реки крови по вине негодяев и идиотов. - Кого? - переспросил я. - Иди-о-тов! - отдельно повторил Романин. Всех этих напыженных Вильгельмов и дураковатых Николаев! ("Повесть о жизни"). Еще более выразительными оказываются формы множественного числа географических названий в нарицательных значениях, воспринимаемые на фоне обычных топонимов в единственном числе. Например: "Больше всего ему нравились на марках портреты президентов разных Венесуэл, Эквадоров и Парагваев" ("Дым отечества"); "Он (Семен Гехт - Г.Р.) приносил туда очерки о маленьких черноморских портах. Не об Одессах, Херсонах и Николаевах, а о таких приморских городах как, скажем, Очаков, Алешки, Голая Пристань или Скадовск" ("Книга скитаний"); "Даже венки названий, связанных с этим лиманом, волновал меня, - все эти Кинбурны, Ольвии, Очаковы, Тендры, Ингулы и Ягорлыки" ("Книга скитаний"); "Народ этот пропадал по каторгам, шагал по унылым Владимиркам" ("Повесть о жизни").

К.Г. Паустовский также использует и формы множественного числа имен собственных в нарицательных значениях (причем нарицательность этих имен существительных передается и графически), например: "Вы это о чем? - спросил Алексей. - Сошлись тут поэты, бальмонты" ("Романтики"), где форма множественного числа имени собственного имеет иронический оттенок.

Интересным является и использование узуальной, хотя и не-сколько необычной формы множественного числа существительного человеки, которая считается шуточной и устаревшей. Эту форму в выразительных целях употребляют в своих произведениях многие авторы (М. Горький, И. Ильф и Е. Петров, А. Куприн и мн.др.). Не является исключением и К.Г. Паустовский, который использует данную форму для выражения иронии, например: "Ростов заслужил дурную славу... Он достаточно прославлен, - прославлен торжищем и воровством. Что ни столовая, буфет - то ловушка, что ни торгош - ловец. Ловец простодушных человеков" ("Письма с пути").

Выразительность имен существительных возникает в случаях, когда "форма единственного числа может обозначать множество, поэтически изображаемое как единичность" [1, с. 260].

Характерным для художественной речи К.Г. Паустовского является использование единственного числа имен существительных в собирательном и обобщенном значениях, например: "Вшивый тыл ждал бани, как чуда" ("Повесть о жизни"); "Лекарь: "Много вашего брата сгноили в солдатской шинели... Простите, не имею чести знать вашего имени..." ("Поручик Лермонтов"). Такие формы

имен существительных с различными, преимущественно отрицательными коннотациями, передают обобщенную множественность людей. Использование в обобщенно-собирательном значении форм единственного числа неличных существительных иногда приобретает особую выразительность, например, К.Г. Паустовский употребляет слово митинг в форме единственного числа, указывая на распространенность подобного явления в начале революционных событий: "С февраля до осени семнадцатого года по всей стране днем и ночью шел сплошной беспорядочный митинг" ("Повесть о жизни").

Иногда К.Г. Паустовский использует прием окказионального образования форм множественного числа у имен существительных, употребляемых в языке только в единственном числе (*singularia tantum*), например: "Мальчик пришел во время грозы ко мне в комнату и ... сказал: Пойдем смотреть грома! Он был прав, сказав это слово во множественном числе: гроза была обложная, и гремело сразу со всех сторон" ("Золотая роза"). В данном случае форма множественного числа имени существительного ("гром" – "грома") является собственно морфологическим окказионализмом и служит лишь для обозначения множественности без изменения лексического значения слова.

Весьма интересным для исследования является использование в выразительных целях категории числа местоимений. У К.Г. Паустовского наблюдается прием замены обращения во множественном числе формой единственного и наоборот, показывающий изменение характера личных отношений. Например: "Она помолчала и спросила: "Когда ты уезжаешь?". У меня заколотилось сердце – так неожиданно она сказала мне "ты" ("Далекие годы"); "А ты в Петергофе не-бось будешь? – спросила Катя, переходя на "ты" – это означало, что Щедрин уже признан своим человеком" ("Северная повесть"). Выразительным в приведенных примерах является обыгрывание различия между обычным обращением на ты и официальным на вы, которое в подобных вариантах не имеет значения множественности.

Итак, выразительность и образность художественных произведений создается не только лексическими средствами – этот пласт лежит на поверхности, но и грамматическими, которые как бы спрятаны в глубине. Грамматические формы – это тонкие, порой незаметные при беглом чтении сигналы, которые строго целесообразно могут быть включены в художественный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Об изучении языка художественных произведений / Г.О. Винокур // Филологические исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 112-139.
2. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.
3. Одинцов В.В. Грамматические формы в художественной прозе / В.В.Одинцов // Стилистика художественной литературы. – М.: Наука, 1982. – С. 77-95.
4. Паустовский К.Г. Сочинения. В 9-ти т. / К.Г.Паустовский. – М.: Худож. лит-ра, 1981-1986. – Т. 1-9.
5. Чмыхов Н.М., Баскакова Л.В. Грамматический троп в художественном тексте / Н.М. Чмыхов, Л.В. Баскакова // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ун-та, 1990. – С. 24-29.

6. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: в 4-х т.: собр.соч. – М.: Адепт, 2004. Режим доступа : <http://ushdict.narod.ru>